

О. Н. Трубочев

ИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПО ПРАСЛАВЯНСКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ:
ГЕНЕЗИС МОДЕЛИ
НА *-ĕninъ*, **-janinъ*

Рассматриваемые ниже вопросы весьма сложны, так как затрагивают лексику, словообразование, морфологию, т. е. грамматику, а также лексическую и функциональную семантику и разные уровни употребления слов — апеллативный и ономастический. Естественно, что все это тесно связано в конечном счете с этимологией. Если добавить, что данная категория, характеризующаяся теперь бесконечностью, в начале своего развития отличалась не только конечностью, но и единичностью, то это представит интерес также для наблюдений над общей эволюцией языка. В меньшей степени побудила заняться изучением вопроса противоречивость существующих в литературе *высказываний* и анализов, которые способны затемнить сущность важного вопроса, заслуживающего монографии, а не только краткого и вынужденно неполного очерка.

Производные имена с формантом *-ĕninъ*, **-janinъ* в славянских языках представляют собой открытый ряд и, можно сказать, неисчислимы теперь по своей продуктивности. От мысли дать подробный перечень их в краткой статье мы заранее отказываемся, но это едва ли выполнимо и для специальной монографии. Определенное представление дает материал, собранный у Миклошича (графика сохраняется)¹: ст.-слав. *efesĕninъ*, *efešaninъ*, *farisĕjaninъ*, *galilejaninъ*, *izrail'tĕninъ*, *kirinĕjaninъ*, *kritĕninъ*, *kriřtaninъ*, *midĕninъ*, *nazarĕninъ*, *nazarjaninъ*, *rimljaninъ*, *rumĕninъ*, *samarĕninъ*, *samarjaninъ*, *slovĕninъ*, *graždanicъ*, *selĕninъ*, *seljaninъ*, *mirĕninъ*, *zemljaninъ*; словен. *dobrovčanin*, (без *-in:*) *deželan*, *dvoran*, *gorčan* < *goričan*, *krajnščan*, *meščan*, *rimljan*, *seljan*, *veščan*; болг. *гражданин*; сербохорв. *aradžanin*, *banacanicin*, *bečanicin*, *bošnjacin*, *brđjanin*, *budljanin*, *vinkovčanin*, *gračanicin*, *grbljanin*, *dobrovačanin*, *podunavljanin*, *carigradžjanin*, *carogradjanin*, *banjanin*, *dubrovčanin*, *varošanin*, *goranicin*, *građjanin*, *kućanicin*, *mješťtanin*, *ostrvuljanin*, *seljanin*, *ричанин*; укр. *дворянин*, *крилошанин*, *мищанин*, *селянин*, *галичанин*, *львовянин*, *римлянин*; рус. (у Микло-

¹ Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. II. Stammbildungslehre. Wien, 1875, S. 129 и сл.

пича — вместе с др.-рус.) *крилошанинъ, изборчанинъ, олончанинъ, полянинъ, римлянинъ, селянинъ, поселянинъ, сельчанинъ, огнищанинъ, москвитянинъ, островитянинъ, островлянинъ, семьянинъ, чужанинъ*; чеш. *dvořenin, dvořan, krajenin, krajan, měštěnin, měšt'an, řiměnín, říman*; польск. *dworzanin, grodzanin, grodzianin, mieszczanin, młodzianin, młodzian, włościanin, ziemianin, lipszczanin, rzymianin, warszawianin*; в.-луж. *dol'an, hořan, pol'an, zetjan*; н.-луж. *kšajan*.

Совершенно ясно, что материалы Миклошича, опубликованные более ста лет назад, могут иметь только иллюстративное значение, но не отражают практически для всех славянских языков ни полного состава, ни нынешних тенденций (взять хотя бы современную популярность форманта *-чане* в русском²). Большинство слов на *-ěninъ, -janinъ* — оттопонимические образования либо целиком принадлежат этнонимии. Вообще значительный пласт этих имен вдается в ономастику, в чем убеждает хотя бы знакомство с русскими фамилиями *Устюжанинов, Трубчанинов, Гречанинов, Волчанинов, Зерчанинов, Турчанинов, Лучанинов, Ельчанинов, Вельчанинов, Мещанинов, Зеренинов, Персиянинов, Селянинов, Полянинов, Армянинов, Мирянинов, Дворянинов, Горянинов, Обольянинов, Смольянинов, Сурьянинов*³. Кроме фамилий от известных или прозрачных имен на *-анин, -янин* здесь есть и образованные от неизвестных или темных апеллативов: **зерчанин (*озерчанин?), *обольянин*. Из истории славянства известно довольно много племенных названий с этим суффиксом (ср. в унифицированной праславянской транскрипции): **beržane, *bužane, *bobr'ane *čerzpeňe, *dědošane, *dervjane, *dokšane, *leđjane, *lqčane, *mil'čane, *moravjane, *pol'ane, *pomor'ane, *pъšev(j)ane, *rečane, *sěver'ane, *slověne, *smolěne, *sъlęžane, *sprev(j)ane, *stodor'ane, *strumjane, *terbovjane, *vislěne, *vъkr'ane, *velyn'ane*⁴. Еще больше известно этниконов (названий жителей) с этим формантом, ср. например на балканском Юге, по материалам большой работы Заимова: *Дечани, Дивляни, Иваняне, Кривогащани, Невояне, Пирани, Пищане, Поибрене, Селене, Селяни, Сиряни* и многие другие на славянских (Болгария, Македония) и неславянских (Греция, Румыния) территориях⁵.

В сравнительных и исторических грамматиках и специальных исследованиях по славянскому словообразованию уделяется достаточно внимания производным с суф. *-ěninъ, -janinъ*. Не претендуя на полноту, приведем ряд характеристик. Вондрак предпочитает говорить отдельно о суф. *-janinъ < -iōn-* (ср. лит. *kie-*

² *Супрун В. И.* Суффикс *-анин* в славянской этнонимии. — В кн.: Вопросы филологии, вып. VII. Л., 1978, с. 47 (с дальнейшей литературой).

³ *Vascenco V.* Nume de familie și prenume rusești. Dicționar invers. Bucu-rești, 1975, с. 96.

⁴ *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ 1974, № 6, с. 55.

⁵ *Заимов И.* Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. София, 1967.

mionis 'деревенский житель', *Tilžionis* 'житель г. Тильзита', греч. ὄβρανίων, этнонимы вроде *Suessiōnes*), а также о суф. *-ēnīnъ*, ср. (вслед за Зубатым) лат. *Tibrēnus*, *Alfēnus*, *aliēnus*; для последнего суффикса Вондрак допускает влияние прилагательных на *-ēno*⁶. Мейе кратко характеризует имена на *-an-* как основы на согласный, тематизация которых осуществляется с помощью суф. *-inъ* (*гражданинъ*), соответствующего лит. *-ynas*, др.-инд. *-īna-*, греч. *-ἴνος*, лат. *-īnus*⁷. Вайян очень обстоятельно изучал эту модель с морфологической и словообразовательной стороны, ср. его объяснение атематического дат. и тв. пл. мн. ч. на **-jēn-m > -jēt- > -jēt- / -jam-* — др.-рус. *Полями*, *Крityами*, т. е. 'полями', 'критянами', словен. *Goričam* 'горцам', откуда аналогически — локатив на *-(j)axъ*, стар. *-(j)asъ*: ст.-чеш. *Dol'as*, *v Polas*, др.-рус. *Поляхъ* 'полявах'. Ср. атематический дат. мн. основ на *-n-* в германском: гот. *attam* 'отцам' < **attan-m*. Таким образом, имена на *-jan-* сохраняли во множественном числе атематические формы основ на согласный. Суф. *-jan-* Вайян сближает с лит. *-ėnas* (*Tilžėnas*, *kalnėnas* 'горец'), лтш. *-ēns*, отмечая, правда, что балтийский здесь не обнаруживает следов атематической флексии. Для балто-славянского Вайян реконструирует исход **-ēn*, который якобы «добавлялся» в славянском к *-j-* подобно греч. ὄβρανίων. Балтийскому неизвестно сингулятивное *-inъ*, присоединяемое к слав. *-jan-*; это *-inъ* не связано с *inъ* 'один', но соответствует лит. *-ynas* в производных *kaimynas* 'сосед' и др. Весьма существенны отмеченные Вайяном колебания вариантов суф. *-ēn-*, *-jan-*, *-an-* в зависимости от предшествующих звуков: *Galilėaninų*, *Izdrailėninų*, но *Italjan-*, *seljan-* (Амартол), *Agarėn-*, *Jerusalimlėn-*, *Rimlėn-*, *Etiopėn-* (вар. *-plėn-*), *Solunėn-*, *Eğypten*, *Indjan-* (Амартол), *Persėninų*, но *Peloponišan-*, *Afrikjan-*, но *Fračaninų*, *Frugėne*⁸. Кипарский очень суммарно рассматривает модель на *-анин*, *-янин* в русском, толкуя этот формант как результат слияния двух индоевропейских суффиксов: лат. *-iānus* и *-ēnus*, лит. *(j)onis* и *-ėnas*, лтш. *-āns* и *-ēns*. По фонетическим причинам (ѣ после шилящих и мягких исходов > 'a) вариант *-jan-* возобладал. Сингулятивный суф. *-inъ* тождествен *inъ* 'один'⁹. Отрембский, со своей стороны, генетически разграничивал *-ēn-* и *-jan-*, судя по его отождествлению славянского этнонима **slověne* и литовского названия деревни *Slavėnai* на реке *Slavė*¹⁰; суф. *-jan-* этот ученый объяснял как образование от основ на *-ja*

⁶ *Vondrák W.* Vergleichende slavische Grammatik. Bd. I. Göttingen, 1906, S. 422.

⁷ *Meillet A.* Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. 2 partie. Paris, 1905, p. 312, 448—449; *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951, с. 294, 338.

⁸ *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves, t. II, part. 1. Lyon—Paris, p. 188—189, 216—217, 308—311; t. IV, Paris, 1974, p. 337—338.

⁹ *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik. Bd. III. Heidelberg, 1975, S. 187.

¹⁰ *Otrębski J.* Die Herkunft der Bezeichnung *Slověne*. — LP 1958, 7, с. 263 п сл.

(с и.-е. \bar{a} , а не \bar{o} , почему сближение с греческим типом Ὀβρανίωνες 'небожители' отпадает), ср. отношение *земля* → *земляне*¹¹. Бернштейн упоминает тип **gordjēninъ* как сформировавшийся на базе согласных основ типа **rudmen-*, **molden-*, но без характеристики дефектной парадигмы на *-(j)aninъ* и самого форманта¹². В «Очерке праславянского словообразования» *-ĕn-*, *-jan-* характеризуются как форманты основ на согласный, сохранивших консонантную флексию только во множественном числе, с «точными соответствиями» в литовском *-ėnas*, *-ionis*; *-jan-* сближается еще с исходом греч. *οβρανίων*, хотя вслед за этим говорится о первичности *-ĕn-* и вторичном обобщении *-jan-*¹³. В общем распространенная точка зрения «от Лескина до наших дней» о близости образования др.-болг. *солоунѣн-инъ* и лит. *Tilžėnas* как «типичной балто-славянской формации» отражена у Дуриданова¹⁴. Айцетмюллер, сообщая известные сведения об остатках консонантного склонения у имен на *-ʹan/jan-*, обращает вместе с тем внимание и на некоторые проблематичные моменты. Генезис и взаимоотношение *-ĕn-*, и *-jan-* для него неясны и лишь напоминают греч. $\epsilon\lambda\lambda\eta\nu\epsilon\varsigma$ — Ὀβρανίωνες , однако в греческом ι принадлежит основе, что для славянского невероятно; лит. *-ion-* в *Tilžionis* представляет собой лишь имитацию слав. *-jan-*¹⁵. Бошкович, анализируя имена типа **gordjaninъ*, считает исходной форму **gordjanъ* как первую тематизацию на $-\bar{o} < -o-s$, а форму **gordjan-inъ* называет второй тематизацией, причем суф. *-inъ* предохраняет от деформации первоначально атематическую основу¹⁶. Последний по времени известный нам исследователь проблемы — В. И. Супрун — вычленяет в составе суф. *-анин* сингулятивное *-ин*, производя его от и.-е. **oin-* 'один', соотношение *-jan-* и *-ĕn-* считает не выясненным, сближая *-ĕn-* вслед за предыдущими исследователями с греч. $-\eta\nu-$, а *-jan-* возводя к и.-е. **iōn-*; имена на *-анин* отличает «специфическая флексия» во множественном числе. Исходной формой Супрун называет *-jan-*¹⁷.

На основании этих исследований затруднительно составить себе единое представление об этой словообразовательной модели имен. Изложенные выше суждения на редкость противоречивы и неполны, не все авторы вспоминают даже о том, что перед

¹¹ *Otrębski J.* Kirchenslavisches vñ *Vislěchъ*. — In: *Symbolae Linguisticae in honorem G. Kuryłowicz.* Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, с. 223—226.

¹² *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974, с. 167.

¹³ *Słownik prasłowiański*, t. I, 1974, с. 119, 129; t. III, 1979, с. 17.

¹⁴ *Дуриданов И.* Към стратиграфията на именните тилове в славянските и балтийските езици. — В кн.: *Славянска филология*, т. XII. София, 1973, с. 31.

¹⁵ *Aitzetmüller R.* Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Freiburg i. Br. 1978, S. 104—105.

¹⁶ *Бошкович П.* Развитие суффикса у јужнословенској језичкој заједници. — В кн.: *Бошкович П.* Одабрани чланци и расправе. Титоград, 1978, с. 96—98.

¹⁷ *Супрун В. И.* Указ. соч., с. 41 и сл.

нами представители парадигмы склонения на согласный, причем в ретроспективе надо говорить не о дефектной парадигме (сохранение остатков консонантной флексии во множественном числе), а о полной консонантной парадигме на *-en* (ед. ч.) — *-ene* (мн. ч.). Эволюция склонения на согласный складывалась естественным путем — в направлении деконсонантизации, которую вовсе не обязательно понимать узко в рамках действия славянского закона открытого слога. Здесь имела место довольно универсальная тенденция, как свидетельствуют проявления деконсонантизации в языках, совершенно не затронутых упомянутым законом, напр. в литовском, где так же, как в славянском, консонантная флексия на *-n-* сменяется в ряде случаев склонением на *-i*¹⁸. Перестройка исхода основы наметилась прежде всего в именительном падеже единственного числа, как наиболее слабой позиции, подверженной изменениям и «не прикрытой» (у консонантных основ) флексией. Говоря о перестройке в этой позиции, важно обратить внимание и на другую ее сторону, превратно освещавшуюся либо вовсе не освещавшуюся раньше: вокализм форманта. Дело в том, что за первоначальный вид изучаемого форманта следует принять *-en*, а долгота гласного, так или иначе отличающая известные варианты *-ĕn(inъ)*, *-jan(inъ)*, — это характеристика, которая должна получить объяснение. Природа этой долготы — продление, восходящее в принципе еще к индоевропейской эпохе. Условия происхождения долготы гласного коренятся в парадигме склонения, которая рано вызвала появление того, что названо у Бругмана «*doppelte Vokalquantität*», в данном случае *-ĕn*. Бругман обратил внимание на отношение греч. φρήν, *-ĕnes*, ἀρχήν, *-ĕnes* и высказал наблюдение: «Во всех формантах на *-n-* (*-en-*, *-ien-*, *-den-* и *-men-*...) в большинстве языковых групп обнаруживается в сильных падежах родовых имен двойное количество гласного (*-ĕn-*: *-ōn-*), которое должно быть унаследовано с древности»¹⁹. Смысл продления вокализма форманта в именах типа греч. ποιμήν (основа косвенных падежей — ποιμεν-) ‘пастух’ заключается в дополнительном различии равноформленных падежей — прежде всего именительного и звательного, причем инновация (продление) обычно закрепляется за именительным. Таким образом, вокализм славянского форманта *-ĕn(inъ)*, *-jan(inъ)* имеет еще индоевропейские истоки.

Попутно заметим, что этим путем — из индоевропейского парадигматического функционирования — лучше объясняются славянские формы вроде *korĕнь* (в сербохорватском, древнерусском), для которых Вайян предполагал деназализацию вторичного носового гласного, а критиковавший его Бошкович — древние огласовки

¹⁸ *Stang Chr. S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*. Oslo—Bergen—Tromsø, 1966, S. 219; *Brugmann K. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Bd. II, Teil 1. Strassburg, 1906, S. 286.

¹⁹ *Brugmann K. Op. cit.*, S. 293.

korē(n)*, **katē(n)*²⁰, что, конечно, еще не является объясненным. Напрашивающаяся обычно мысль о связи нашего форманта *-ĕn(inъ)* и суффикса прилагательных *-ĕnъ* встречает возражение, что для второго суффикса исходные условия были все-таки иные, так как имеющаяся там долгота возникла как словообразовательное продление (врддхи) в производном — *katĕnъ* 'каменный' от *kamen-* 'камень', слав. *можданъ* 'мозговой' (mozgĕno-*) от *моздени* вин. мн. 'мозг, мозги', в то время как продление в нашем *-ĕn > -ĕn(inъ)*, *-jan(inъ)*, как выяснилось, — парадигматического, морфологического характера. В связи с этим важно констатировать, что славянские консонантные основы отражают сохранение не только индоевропейского типа *ǵh₁mo_n* — **kamy*, но и индоевропейского типа *ποικίλν*. Наши компаративисты обычно отдают предпочтение первому из них, реконструируя — видимо, излишне прямолинейно — именительные падежи единственного числа **pr̥sty*, **pr̥sly*, **str̥gy*, **bredy*, **plety*, **gnety*²¹. Но, по-видимому, корректнее оперировать формами номинатива **elenъ*, **sr̥šenъ*, **stepenъ*, **seženъ*, **pr̥stenъ*, **pr̥slenъ*, **str̥ženъ*, **pletenъ*²², не смущая себя идеей их аккузативного происхождения; это лишь вторичная омонимия первоначально разных флексий им. п. ед. чис. м. р. **-en-ĭ* (перевод в *-i*- основы) — вин. п. **-en-ŋ*. Деконсонантизация основ мужского рода на *-en* осуществлялась через включение их в основы на *-i*.

Таким образом, мы подходим к вопросу о способе тематизации первоначально консонантных основ типа праслав. **gordjaninъ*: основа на согласный **gordjan-* стала *-i*-основой **gordjanъ* (**gordjaniĭ*), ср. аналогичную судьбу других названий лиц с основой на согласный — **gospodъ* (и.-е. **ghost-pot-*), имен на *-tel-* → *-telj-*. Ошибочны поэтому утверждения, что первой тематизацией имен типа **gordjan-* был перевод их в основы на *-o-* **gordjanъ* (Бошкович, выше). Вторичность форм чеш. *krajan*, польск. *Krakowian* была понятна еще для Миклошича. Именно признание промежуточной формы на *-i-* **gordjanъ* (ср. в этом смысле лит. *palikuonis* 'потомок' и под.) помогает правильно понять дальнейшую суффиксацию **gordjan-inъ* как наложение родственной морфемы *-inъ* на *-i*-исход, ср. полную аналогию **gospodъ* — **gospodinъ*.

Эволюция раннепраславянского исхода **-ĕni-* в направлении к засвидетельствованному *-ĕninъ*, **-janinъ* ознаменовалась смягчением предшествующих согласных (после I палатализации задне-небных), а также, видимо, своеобразной антеципацией мягкости *-aniĭ-* → *-jan-*, межслоговой ассимиляцией по мягкости, что особенно проявилось в случаях вроде **gordjaninъ*, вместо ожидавшегося **gordĕninъ*, а это было также возможным результатом,

²⁰ Бошкович Р. Српскохрватско *korĕnъ*. — В кн.: Бошкович Р. Одабрани чланци и расправе, с. 399 и сл.

²¹ Бернштейн С. В. Указ. соч., с. 169 и сл.

²² Вайан, например, избегает реконструкции номинативов типа **pr̥sty*, неоправданно предполагающих **-ō(n)*, см.: Vaillant A. Grammaire comparée. . ., t. II, part. 1, p. 197 и сл.

ср. четкую рефлексацию праслав. **slověninъ* при полном отсутствии **slovjaninъ*, которое дало бы в ряде славянских языков l' epentheticum. Колебания, отмеченные Вайяном (выше) и другие соображения, в частности, уже указанная другими исследователями невозможность возведения слав. *-jan-inъ* к индоевропейскому *-i-ano-*, *-i-on-* и т. д. — все вместе взятое (включая растущую продуктивность именно варианта *-jan-*) говорит в наших глазах о вторичном, более позднем характере этого варианта суффикса, о том, что это продукт славянского фонетического развития, а не элемент древнего словообразования. Изначальным было только *-ěn* → *-ěni-*.

Пересмотр истоков и эволюции славянского именного форманта *-ěn(-jan-)* оказывается весьма радикальным по своим результатам, затрагивающим природу, относительную хронологию и связи этого форманта. Возникают новые проблемы. Вскрываемый, с одной стороны, еще индоевропейский характер долготы суффиксального гласного (продление в падежной парадигме склонения на согласный) вступает, с другой стороны, как бы в противоречие с трактовкой этой долготы в собственно славянском вплоть до исторически недавнего времени, до современных живых языков. Мы располагаем важными данными о первоначальной безударности *-ěn(inъ)*, *-jan(inъ)*, а это может свидетельствовать о древней краткости либо, скорее всего, о циркумфлексной интонации слога *-ěn(-jan-)*. К сожалению, мне неизвестны специальные исследования об этом суффиксе в плане славянской и индоевропейской акцентологии. Имеющиеся на этот счет высказывания в более общей литературе, кажется, проходят мимо существа дела. Кипарский в книге об ударении в русском литературном языке относит, например, ударение *граждани́н* — *гра́ждане* к колебаниям, в остальном конструкция «старое постоянное ударение на суффиксе» (*египтя́нин*, *израильтя́нин*, *поселя́нин*, *прихожа́нин*, *россия́нин*), но ср., впрочем, *рѣмля́нин*, *филистьи́млянин* и «явно старшее ударение» *христиа́нин*²³. Эта характеристика неудовлетворительна исторически. Более адекватно наблюдение того же автора в его русской исторической грамматике: «Старому типу ударения с сохранением места ударения производящего слова (*вблогжанин* 1755 г.), противостоит более поздний тип с ударением суффикса *-jan-* (*вологжа́нин* 1960 г.), а в единственном числе единично также и сингулятивного суффикса (напр. *христиа́нин*), ср. Görner 1967, 66 (имеется в виду работа: Görner F. Das slavische Suffix *-jān-*, Sg.-*jān-īn* in russ. Ethnika. — Die Welt der Slaven XII, 1967, S. 59—66. — О. Т.)»²⁴. Но в конечном счете придется признать неудовлетворительной и эту характеристику (старое постоянное накоренное ударение). В этом отношении красноречивые

²³ Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, S. 152—153.

²⁴ Kiparsky V. Russische historische Grammatik. Bd. III. Heidelberg, 1975, S. 187.

показания дает ономастика, ср. преобладающее ударение в русских фамилиях *Трубчанинов*, *Гречанинов*, *Зерчанинов*, *Турчанинов*, *Селянинов*, *Смольянинов*²⁵, сюда же былинное отчество *Микула Селянинович*, далее — ударение в апеллативах *дворянин*, *мещанин*. С другой стороны, полного внимания заслуживает остаточная акцентная парадигма рус. *гражданин* — мн. *граждане* (при собственно русском акцентно инновационном *горожанин* — *горожәне*), которую следует признать безусловно старой, а не относить к «колебаниям» непонятно какого происхождения (Кипарский, выше). Все это говорит о безударности суффиксального элемента *-ĕn(-jan-)* в праславянском. Если учесть, что следующий за ним сингулятивный суфф. *-inъ*, видимо, обладал древней акутовой долготой (ср. индоевропейские соответствия выше, а также доказательства подударности *-inъ* в языках с подвижным ударением), мы получаем возможность говорить здесь о переносе ударения с предшествующего циркумфлексного слога на акутовый в духе закона Фортунатова — де Соссюра. Циркумфлексная долгота слав. *-ĕn(-jan-)* < и.-е. *-ĕn* вынуждает внести коррективы в индоевропейские реконструкции, к которым иногда прибегают, предполагая в ст.-слав. *граждане* наряду с лит. *pirmuo* 'первенец', мн. *pirmuones*, авест. (Гаты) *maθrān-* 'пророк, проповедник' суффикс с ларингальным **-hn*²⁶. Это было бы равнозначно признанию здесь старой акутовой интонации, но в литовском исход *-uo* характеризуется как раз циркумфлексной интонацией, о том же говорят и наши данные о модели **gordjaninъ* в славянском. Здесь не было старой долготы, поэтому наметившееся выше противоречие между индоевропейским и славянским снимается. Такое утверждение имеет далеко идущие последствия, потому что тем самым снимается и «точное соответствие в балтийском» — акутированное лит. *-ĕnas*, принимаемое многими исследователями, несмотря на отмечавшиеся другие его несоответствия славянскому консонантному, нетематическому *-ĕn-*. Балтийские соответствия не удовлетворяют пересмотру: *-ionis* сохраняет значение лишь как слепок со слав. *-jan-* (см. выше Айцетмюллер), слепок тем более поучительный, что он отразил и факт перевода в *-i-* основы, не всегда легко прослеживаемый в самом славянском; этнонимы на *-en-* в балтийском красноречиво отсутствуют, за вычетом др.-прусск. *Pomesani* (**po-medjan-*), *Pogesani* (**po-gudjan-*), словообразовательное оформление которых обязано, конечно, сильному периферийному польскому влиянию, ср. и польскую фонетическую черту *u > e* в *Pogesani*.

Парадокс славянской словообразовательной модели на *-ĕninъ*, *-janinъ* состоит в ее возрастающей продуктивности, точнее сказать, в том, что эта древняя модель словопроизводства с доказан-

²⁵ Vascenco V. Op. cit., с. 96.

²⁶ Jasanoff J. H. The nominative singular of *n*-stems in Germanic. — In: Indo-European studies, III, edited by C. Watkins. Cambridge, Massachusetts, 1977, p. 157.

ным индоевропейским происхождением представлена почти исключительно славянскими новообразованиями, среди которых ни одно не имеет соответствий за пределами славянского. Их состав по-прежнему заслуживает внимательного изучения по той причине, что кажется все еще недостаточно исследованным. Наибольшим вниманием традиционно пользуются производные на *-ѣне*, *-јане* в функции этнонимов, племенных названий, названий жителей. Более полная инвентаризация производных и рассмотрение производящих основ и семантики приводит к уточнениям и в этой области. Что касается древнерусского материала, он представлен в удобной форме в известном обратном словаре к «Материалам» И. И. Срезневского, который имеет смысл привести здесь почти целиком: *гражданинъ, гражанинъ, посажанинъ, побережанинъ, слобожанинъ, горожанинъ, тѣржанинъ, бѣжанинъ, люжанинъ, кличанинъ, уличанинъ, пѣлчанинъ, коньчанинъ, волочанинъ, слободѣчанинъ, вѣлчанинъ, ловчанинъ, городѣчанинъ, сельчанинъ, дворѣчанинъ, межурѣчанинъ, кривошанинъ, клирошанинъ, посошанинъ, городищанинъ, огнищанинъ, мѣщанинъ, словѣнинъ, граженинъ, земланинъ, дворанинъ, скитѣнинъ, сѣмитанинъ, островманинъ, бѣгланинъ, поселанинъ, бѣжланинъ, миранинъ, моранинъ, вѣстанинъ, селанинъ, украинанинъ, пиранинъ, соборанинъ; бережане, мукобране, поморане.*

Кроме названий жителей и племенных названий с этим формантом (*горожанинъ, посажанинъ, слобожанинъ, уличанинъ, коньчанинъ, сельчанинъ, межурѣчанинъ, селанинъ, словѣнинъ, бережане, поморане* и др.), которых, действительно, много и всегда было много по данным письменности, в приведенном выше списке могут быть указаны также примеры отличной функции и семантики: *бѣгланинъ* 'беглец' (Изъ иных волостей много бѣглянъ вбѣжаша въ городъ. Соф. I л. 6894 г. Срезневский I, 213; СлРЯ XI—XVII вв. 1, 86); *бѣжанинъ* 'беглец' (Срезневский I, 216; СлРЯ XI—XVII вв. 1, 90: 'беженец'. 1382 г.: А въ градѣ въ Москвѣ тогда затворилъся князь Остѣи, внукъ Олгѣрдовъ, съ множествомъ народа, съ тѣми елико осталося гражанъ и елико бѣжанъ съ волостей збѣжалося. Рог. лет., 144); *кличанинъ* 'пугающий на охоте зверей криком или шумом' (В се же лѣто бы^с Всеволоду ловы дѣющю звѣрины за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змии ѿ нѣсе. Пов. вр. л. 6599 г. Срезневский I, 1222); *ловчанинъ* (Потомъ волостели мои не вѣзжають, ни чяшници мои, ни ключници, ни поѣздове, ни ямникъ, ни боровникъ; а ловчане мои въ Тишь не вѣзжають. Жал. гр. в. к. Ряз. Ол. Ив. д. 1402 г. Срезневский II, 40); *люжанинъ* 'мирянин' (Ефр. крм. Апл. 24; Уст. крм.: простъ людинъ. Срезневский II, 95); *пиранинъ* 'участник пира' (Егда алчнии бѣдѣтъ пиране, съ многою сластью адать. Златостр. 48. Срезневский II, 934)²⁷; *пѣлчанинъ, полчанинъ* 'воин' (Благовѣр-

²⁷ Здесь следует обратить внимание на южнославянское местное название *Пиране*, ст.-серб. *Пираны* (XIV в.), которое Заимов толкует от названия пирея (Заимов И. Указ. соч., с. 159).

ныи царь... со всѣми своими государевыми полчаны поиде... Пов. о прих. ц. Ив. Вас. в Новг. 7078 г. Срезневский II, 1752)²⁸; *сѣмшанинъ* 'домочадец, слуга' (Ни азъ, ни семьянинъ мой, ни дѣтищъ мои, ни коуря мое. Прол. XV в. Срезневский III, 893); *тържанинъ*, *торжанинъ*, 'торговец' (Блаженъ члвкъ, иже купуетъ млти даже ся не разидуть торжане (πριν λυθη̄ η̄ πανήγυρις). Ефр. Сир. XIV в. Срезневский III, 1055).

Эти примеры содержат указание не на территориальное происхождение или принадлежность к месту, а на связь с сословием (*люжанинъ*), группой людей (*сѣмшанинъ*), предприятием (*пиранинъ*, *тържанинъ*), занятием (*ловчанинъ*), характерным действием (*бѣгшанинъ*, *бѣжанинъ*, *кличанинъ*). Последние замечательны своей четкой соотнесенностью с глаголами, ср. контексты: елико бѣжанъ... збѣжалося; кличаномъ кликнувшимъ (выше). Промонстрированная широкая мотивация имен на *-ěninъ*, *-janinъ* подтверждает возможность пересмотра и даже окончательного решения проблемы некоторых производных с этим суффиксом, традиционно толкуемых от местных и водных названий. Это касается названия славянских племен и народов — **slověne*, **slověninъ*. Прежде всего из предыдущей части нашей работы довольно ясно следует, что тождество **slověne* — лит. *Šlavėnai* (Отрембский) не может быть сохранено. Думается, что такая же судьба ожидает концепцию, согласно которой **Slověne* образовано от названия реки **Slova*²⁹.

На основании рассмотренных аналогий отглагольных др.-рус. *бѣжанинъ*, *кличанинъ* наиболее перспективной сейчас представляется этимология Якобсона³⁰, только в усиленном глагольным варианте — не от имени **slovo* (основа **sloves-*!), а от глагола **slovŕ*, **sluti* '(понятно) говорить' ~ (мед.) 'быть громко окликаемым', ср. др.-рус., рус.-цслав. *слѣти*, *словѣ* 'считаться', 'называться', 'славиться'. Можно предположить, что базой для

²⁸ Ср. сюда с.-хорв. *ričanin* 'civis': *rik* 'populus', уже приведенное выше, по Миклошичу.

²⁹ См. Фасмер III, с. 664—665 (с литературой); *Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego*. Wrocław—Kraków, 1957, с. 138 и сл.

В последнее время ср. еще: *Kronsteiner O. Sind die slověne «die Redenden» und die nětysi «die Stummen»? Zwei neue Etymologien zum Namen der Slaven und der Deutschen*. — In: *Sprache und Name in Österreich. Festschrift für W. Steinhäuser zum 95. Geburtstag*. Wien, 1980, S. 339 и сл. Автор возвращается к той точке зрения, что имя *славяне* — от гидронимов *Славу́та*, *Славка* и др. на *Слав*-; при этом «говорящими» оказываются не славяне, а реки. Это последнее новшество интерпретации, а также отнесение сюда же названия птицы — *соловей* (праслав. **solvьjь!*), что маловероятно фонетически, едва ли может быть принято.

³⁰ *Jakobson R. Marginalia to Vasmer's Russian Etymological Dictionary (P—Я)*. — *International journal of Slavic linguistics and poetics*, 1959, 1/2, p. 274; здесь впервые обращается внимание на аналогию *словѣне* — *нѣмци*.

такого наименования послужила figura etymologica типа *словѣномъ словуцимъ 'так как славяне ясно говорят' или — медиальный вариант — 'поскольку славяне (так) кличутся'. В общем эта этимология приобретает новых сторонников в современной литературе, а также дополнительную аргументацию. Как нередко бывает, вновь обретают вероятие сближения и объяснения, казалось бы, навсегда отвергнутые наукой. Так, изложенная отглагольная этимология имени *slověne < *slovq, *sluti неизбежно включает в круг родственных форм *slava 'слава, устная, громкая молва'. Автор этих строк обращал уже внимание на близость *slověne и Σταβαοί, названия народа между галиндами-судинами и аланами (Ptol. Geogr. III, V, 9) причем последнее читается как индоиран. *stavana- 'хвалимый' и заодно — как перевод-калька славянского *slověne³¹. Славянами достаточно рано называлась не только вся совокупность родственных славянских племен (или большая их часть, если сделать реальное допущение о вторичной славянизации некоторых инородных этносов), славянами назывались и отдельные, в том числе небольшие племена и народности, поэтому тезис об этнониме *slověne как самоназвании, автоэтнониме остается непоколебленным.

Первые упоминания имени *slověne надо датировать не VI, а II в. н. э. Сюда относится уже называвшееся Σταβαοί, прошедшее индоиранскую языковую адаптацию, сюда же принадлежит и название народа Σολοβητοι, в общем вполне сносно и более непосредственно отражающее слав. *slověne, хотя и относимое в описании Птолея слишком далеко на восток. Разумеется, упоминание, письменная фиксация не однозначно с появлением, образованием имени, которое произошло, вероятно, значительно раньше. Важно лишь отметить факт существования этнонима *slověne и функционирования суффиксальной модели на -ěninъ, -ěne уже во II в. н. э. Интересно, однако, отметить, что и это древнейшее абсолютно датируемое славянское производное с суф- -ěninъ не имеет соответствий за пределами славянских языков, в принципе не отличаясь в этом от всех практически остальных производных этой словообразовательной модели. Кроме одного. Дело в том, что в плане относительной хронологии *slověne

³¹ Трубачев О. Н. «Старая Скифия» ('Αρχαία Σκυθία) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект. — ВЯ, 1979, № 4, с. 41—42.

Близкое понимание *slověne — *slovo, правда, без признания отглагольности *slověne, но с верным отрицанием его генезиса из nomen originis (название от географического объекта) уже выдвигалось в литературе, см. подробнее Трубачев О. Н. Там же. Однако прочие допущения цитируемого там автора излишни или ошибочны в свете нашего анализа. Так, теперь мы знаем, что суффикс -ěninъ образует не только производные от географических объектов (см. выше), поэтому (а также по другим соображениям развития форм, выше) излишне предположение здесь особого суффикса -ěno-s, якобы типа bratěnъ, sestřěnъ. Мы знаем, что реконструировать следует *slověnъ с наложением сингулятивного -inъ, иначе необъяснима консонантность основы и ее замена.

оказывается не самым древним образованием на *-ĕninъ*, *-ĕne*. Индоевропейские связи, свидетельствующие о более отдаленной глубине и древности образования, обнаруживаются у праслав. **sedl'aninъ*, **sedl'ane*. Так мы реконструируем праславянскую форму для ст.-слав. *селанинъ* *γεωργός*, *agricola* (Supr., Miklosich Lexicon 837), болг. *сѣлянин* 'крестьянин', с.-хорв. *селянин* 'деревенский житель' (Караджић), словен. *seljān* 'деревенский житель, крестьянин', др.-рус. *селянинъ* 'житель, сельский житель, земледелец' (Срезневский III, 331), рус. *селяни́н*, укр. *селяни́н* 'поселянин, крестьянин', блр. *селя́нін* 'крестьянин'. Только отсутствием прямых западнославянских соответствий можно оправдать реконструкцию **selĕninъ*, **sel'aninъ*, которая оказывается неверной, как только мы обратим внимание на звуковой состав родственных западнославянских форм, которые вторично вытеснили форму **sedl'aninъ*: чеш. *sedlák* 'крестьянин', словац. *sedliak*, польск. *siodlak* то же. В основе лежит слово, которое можно идентифицировать как праслав. **sedlo* (отличное от **sedъlo* 'седло'), которое Махек определяет как 'земледельческое хозяйство с домом', откуда ст.-слав. *село*, рус. *село* и др., и на базе которого было образовано старое производное с суф. *-jan*³². В дальнейшей реконструкции мы расходимся с Махekom, поскольку производим это праслав. **sedlo* от и.-е. **sedlom*, родственного лат. *sella* 'сидение' < **sedlā*.

Праслав. **sedl'an(inъ)* представляет собой типично славянское производное **sedl-ĕn-* (дополнительная мягкость *l'* и связанное с ней изменение в **sedl'an-* вызваны, скорее всего, вторичным морфологическим воспроизводством в условиях прозрачности целого), замечательное, однако, тем, что у него есть индоевропейское соответствие или параллель, на которую мне приходилось указывать и ранее³³: греч. 'Ελλην, мн. 'Ελληνες, самоназвание греков, первоначально — название одного племени в Фессалии. Греческий этноним, нередко признаваемый этимологически неясным, был поставлен Георгиевым в этимологическую связь с 'Ελλα, названием храма Зевса в Додоне, из и.-е. **sedlā*, ср, лат. *sella* 'сидение, стул'³⁴.

История имени 'Ελληνες была сложной. Эту форму принято считать ионической, поскольку указывают дорическое 'Ελλᾶνες. Однако убедительность родства 'Ελληνες и 'Ελλα и — далее — наличие апеллативного ἔλλα 'сиденье' в лаконском (ἔλλα· καθέδρα. Λάκωνες. Hesych.) вызывает вероятность «доризма» 'Ελληνες и этимологического, не «ионического» η < *ē в нем. К этому следует добавить отмеченное в той же Додоне название Σέλλοι (вар.

³² Machek², с. 539.

³³ См.: Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М., 1963, с. 77.

³⁴ Georgiev V. La toponymie ancienne de la péninsule balkanique et la thèse méditerranéenne. — LV, 1961, III, fasc. 1, p. 18 (без славянского соответствия).

Ἑλλοί), с которым тоже уже сближали Ἑλληνες³⁵ и соответствие сохраненного и.-е. *s* регулярному греческому *spiritus asper*, что, в свою очередь, возводимо к особому этническому компоненту в греческом, лишь впоследствии подвергнутому «ионизации». Дорический, в частности лаконский на Пелопоннесе, определенно связан с палеобалканскими индоевропейскими языками. И.-е. **sedl-ēn-*, которое можно реконструировать для Ἑλληνες, оказывается догреческим в описанном выше смысле (для неиндоевропейского происхождения нет данных). Следы ведут к фракийскому, поскольку производные на *-ēn- : -ian-* были характерны больше всего для фракийской этнонимии: Γετηνοί, Βεζσοπαρθηνοί, Καρπιανοί *Moriseni, Petoporiani*. Значит, по-видимому, можно заключить о существовании догреческо- (дорийско-, палеобалканско-, фракийско-) славянской словообразовательно-лексической параллели или изоглоссы *sedlĕne-s* → Ἑλληνες, **sedl'ane*. Полезно отметить соответствие консонантного характера основ греческого и славянского слов и общий рисунок фонетики и словообразования.

Очевидно, мы можем считать праслав. **sedl'aninъ* древнейшим производным этой модели. Разрыв во времени образования между ним и прочими на *-ĕninъ* (выше) мог быть значительным, но, во-первых, словообразовательная модель, представленная одним словом, вполне возможна³⁶, а во-вторых, если это слово было столь емко семантически и социально необходимо для развивающегося славянства как **sedl'aninъ*, *селанинъ*, *селянин*, соответствующая модель имела все шансы на длительную продуктивность в будущем.

³⁵ *Frisk I*, S. 498—499; *Chantraine*, 1—2, p. 340—341.

³⁶ Ср.: *Urbutis V. Žodžių darybos teorija*. Vilnius, 1978, с. 139: о ситуации в словообразовании, когда корень употребляется и как самостоятельная основа, а аффикс уникален.